

17. Tarassi M. *Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze.* – Firenze, 1978.
18. Zorzi A. *Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // Pratique ssociales et politique sjudiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Age (Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome, l'Université d'Avignon et des Pays-de-Vaucluse, l'Università degli studi di Firenze et l'Institut universitaire de France, Avignon, 29 novembre-1 décembre 2001 / a cura di J. Chiffolleau – C. Gauvard – A. Zorzi.* – Roma, 2001.
19. Арнаутова Ю. Е. Инвеститура в церкви: идея, практика, значение // *Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН.* – Выпуск 72 (1-2). – М., 2011.
20. Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции / Перевод, статья и примечания М. А. Юсима – М., 1997.

УДК 316.35:324

Е. В. Калинина**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ УЧАСТИЕ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х гг.**

Статья посвящена анализу деятельности неформальных организаций на Ставрополье в условиях разрушения монопольного положения КПСС в обществе. В ней анализируется предвыборная борьба и ее последствия между представителями мест-

ных партийных структур и лидерами неформальных объединений.

Ключевые слова: неформальные организации, региональные выборы, кандидаты, демократизация, народные депутаты, политическая борьба, избирательная система.

E. V. Kalinina**INFORMAL ORGANIZATIONS AND THEIR PARTICIPATION IN REGIONAL
ELECTIONS AT THE TURN OF THE 1980 – 1990-s.**

Article is devoted to the analysis of activities of the informal organizations in the Stavropol Territory under the conditions of destruction of a monopoly position of CPSU in society. It reviews the pre-election struggle among representatives of local party

structures and leaders of informal groups and its consequences.

Key words: informal organizations, regional elections, candidates, democratization, public deputies, political struggle, electoral system.

Политический плюрализм, свободные выборы, многопартийность, независимые СМИ являются, несомненно, общепризнанными и важнейшими демократическими институтами. В последние годы существования СССР и в первые постсоветские годы их признание происходило с огромными трудностями, сопровождалось ломкой привычных стереотипов, особенно у государственно-партийной номенклату-

ры, утвердившейся во власти еще в годы так называемого «застоя». В частности, с большим трудом пробивала себе дорогу идея многопартийности, что было вполне закономерно в условиях отсутствия гражданского общества (его формирование происходило параллельно со становлением многопартийности) и только набравшего силу массового демократического движения, а, во-вторых, учитывая роль и место

КПСС в советском социуме. Тем не менее, появление альтернативных выборов, новых институтов власти – съездов народных депутатов СССР и РСФСР – свидетельствовало о начавшемся процессе разрушения монопольного положения КПСС в обществе. Это доказывают и выборы народных депутатов РСФСР на Ставрополье в 1989–1990 гг.

Однако организационно политические партии в тот период еще не успели сложиться, и параллельно с их формированием происходило оформление различного рода неформальных избирательных блоков. Еще раньше в стране активно стали возникать народные фронты, комитеты в поддержку перестройки, дискуссионные клубы как следствие активного процесса самоорганизации общества. Своей основной задачей они ставили оказание помощи высшему политическому руководству страны по углублению процесса перестройки. На Ставрополье осенью 1988 г. была создана инициативная группа (ИГ) «За народный фронт Ставрополья», выпускавшая журнал «Гражданин», а несколько позже – Ставропольское отделение «Демократического Союза». Появление неформалов было следствием либерализации режима, открывшей возможности для свободного выражения идей и мнений, самореализации личности, в том числе – в политике. Правда, далеко не все неформальные группы стали политизироваться, то есть выдвигать политические требования и включаться в политический процесс в качестве самостоятельных субъектов. Те же, кто встал на этот путь, вызвали резкое неприятие местной партократии. Впрочем, подчас это только стимулировало их политизацию и в определенной степени способствовало их идейно-политическому самоопределению. У участников движения не было единства в вопросах об общественном идеале и конечной цели, но был четко определен политический противник – правящая партократия, которая всячески блокировало процессы социальной активизации населения, особенно в провинции.

В отличие от центра в регионах гораздо медленнее шел процесс объединения

групп и клубов в ассоциации и блоки, тем не менее, к середине 1988 года значительная часть провинциальной интеллигенции включилась прямо или косвенно в обсуждение проблем прошлого и настоящего своей страны. Именно этим был обусловлен «городской» и просветительский характер зарождавшегося неформального движения.

Местное партийное руководство, однако, поспешило вслед за центром охарактеризовать деятельность неформалов как «экстремистскую» (именно этот термин применительно к действиям данных групп фигурирует в материалах совещания с секретарями горкомов, райисполкомов КПСС, посвященного избирательной кампании и состоявшегося в 1988 г. в г. Ставрополе [1]. А поскольку большинство неформальных объединений были созданы в том числе и из нежелания мириться с руководящей ролью партии и стремились к легализации, то в экстремизме можно было обвинить все неформальные движения, что, собственно, и происходило.

8 января 1989 г. ИГ выдвинула кандидатом в депутаты одного из лидеров своей организации зам. редактора «Ставропольской правды» В. А. Красулю [2]. Однако ему было отказано в регистрации. Вторая попытка была предпринята 15 января, когда члены ИГ пытались провести в микрорайоне №5 Промышленного района собрание по месту жительства для выдвижения своего кандидата в народные депутаты. Однако на это собрание прибыло лишь около 30 человек, и оно не состоялось [3]. 19 января на собрании по месту жительства, проходившем во Дворце культуры им. Ю. А. Гагарина, активисты «ИГ» вновь выдвинули кандидатуру журналиста В. А. Красули, которая большинством голосов была отвергнута [4]. Более того, как видно из записки отдела организационно-партийной и кадровой работы крайкома КПСС «Об итогах выдвижения в крае кандидатов в народные депутаты СССР», ИГ, «предложив свою кандидатуру для выдвижения кандидатом в депутаты, за счет

демагогических лозунгов о сокращении рабочего дня для женщин, необходимости расширения демократии, пыталась привлечь к ней внимание избирателей» [5]. Оценка предложений ИГ как «демагогических» (с резко негативным подтекстом) отныне активно вошла в лексикон местной партократии как только речь шла о неформальных движениях. В конечном итоге это формирование высказалось в поддержку Б. В. Лоренского.

Не меньшее раздражение местных партийных структур, в частности, Буденовского горкома КПСС, вызывала инициатива группы избирателей, которая, «прикрываясь лозунгами демократизации, борьбы с бюрократией, в своих предвыборных листовках...стремилась возбудить людей, посеять недоверие к партийным и советским органам» [6]. На таких неугодных избирателей обрушивались репрессии, мощный идеологический прессинг.

Тем не менее, руководящее ядро неформального объединения «Народный Фронт Ставрополя» решило принять участие и в дополнительных выборах 14 мая 1989 г. и голосовать против обоих кандидатов, т. к., по мнению руководителей «НФС», «они стали случайными претендентами на депутатский мандат», а в Ставрополе «не было обеспечено подлинно демократическое обсуждение выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР» [7].

Вместе с тем следует отметить нерешительность и определенную растерянность со стороны отдельных партийных работников и местных партийных организаций края в период предвыборной кампании, когда нужно было быстро реагировать на возникавшие нештатные ситуации, а возросшая общественно-политическая активность населения явно стала выходить из-под контроля партийных структур. Не оценив в должной степени стремительно меняющуюся обстановку, бурную политизацию масс, «некоторые партийные комитеты, – как сообщалось в Информации об итогах выборов народных депутатов СССР по Карачаево-Черкесскому автономному округу

26 марта 1989г., направленной в Ставропольский краевой комитет КПСС, – слабо подготовились к избирательной кампании, не стали политическими центрами ее проведения, запаздывали в практических действиях», а «многие первичные партийные организации формально подошли к подбору и организации работы агитаторов, по-прежнему больше внимания уделяя устройству избирательных участков, хотя это – прямая обязанность советских органов». Партийные же комитеты совхозов «Красновосточный», «Красногорский», завода «Каскад», не оказали кандидатам в народные депутаты необходимой помощи в подготовке к встречам с избирателями [8]. Некоторые окружные комиссии работали, «пребывая в ожидании установок со стороны аппарата партийных и советских органов». В итоге по области число недействительных бюллетеней составило 12 771, по Черкесскому национально-территориальному округу №721 таких бюллетеней оказалось около 5 000 [9]. Подобное, с одной стороны, считалось совершенно недопустимым, а с другой – свидетельствовало о неповоротливости партийных управленцев.

Условия предвыборной борьбы также менялись. Правда, до появления и активного использования политических технологий, включавших политрекламу, ТВ, прессу, маркетинг и т.д., было еще несколько лет.

Тем не менее, отмечались имевшие место в г. Ставрополе случаи, когда «сторонники тех или иных кандидатов срывали плакаты с программами их политических противников, распространяли ложные компрометирующие слухи и домыслы, прибегали к прямым фальсификациям» [10]. Вместе с появлением так называемых «черных технологий» (старое название современных политехнологий) обновлялись методы агитационно-пропагандистской работы, в частности, в их арсенал активно входили такие формы агитработы, как диспуты, дискуссии с кандидатами в депутаты. В помощь кандидатам в депутаты были разработаны социально-экономические паспорта терри-

торий, входящих в каждый округ. Многие кандидаты в депутаты задолго до собраний знакомились с положением дел на местах, беседовали с избирателями. Заслуживает внимания первый опыт комплектования агитколлективов как своего рода команды кандидатов в депутаты. В отличие от предыдущих кампаний активную роль в подготовке к выборам сыграли доверенные лица, которые в целом ряде округов вели большую агитационную работу за своих кандидатов, хотя и этот институт нуждался в дальнейшем совершенствовании. Создавались «Клубы молодых избирателей» (в частности, на 36 избирательных участках г. Невинно-

мысска), общественно-политические клубы «Избиратель» (Пятигорск), формировались специальные группы из юристов, подключившиеся к проведению консультации на избирательных участках, проводились устные журналы, пресс-конференции, «круглые столы», работала городская дискуссионная трибуна (г. Пятигорск) [11].

Всего в выборах в народные депутаты по Ставропольскому краю 26 марта 1989 г. приняли участие 94% избирателей [12].

Интерес представляют данные о количестве избирателей, отказавшихся голосовать, и тех причинах, по которым они это сделали. (табл. 1) [13].

Таблица 1

Оперативная информация о количестве избирателей, которые отказались голосовать 26 марта 1989 г.

ОКРУГА	Всего отказались голосовать	Участвовали в выборах в %	Причины отказа голосовать				
			политические	религиозные	жилищно-коммунальные; торговые	недовольство работой мест. советских правоохр. органов	прочие
Ставропольский нац.-тер. округ № 28	4414	94,0	36	1633	2494	43	208
Ставропольский тер. округ № 103	1143	88,5	20	22	971	21	109
Буденновский тер. округ № 104	196	97,1	2	136	42	-	16
Ипатовский тер. округ № 105	120	97,1	-	69	27	6	18
Карачаево-Черкесский тер. округ №106	341	97,8	12	159	145	5	20
Минераловодский тер. округ № 107	752	94,1	-	422	312	4	14
Невинномысский тер. округ № 108	1651	93,2	-	826	804	1	20
Пятигорский тер. округ № 109	211	97,7	2	1	193	6	9
Черекский нац. округ №721	161	94,3	12	2	126	1	17
Адыге-Хабльский нац.-тер. округ № 722	-	99,6	-	-	-	-	-
Зеленчукский нац.-тер. округ № 723	176	98,2	-	157	12	4	3
Карачаевский нац.-тер. округ №724	4	99,1	-	-	4	-	-
Усть-Джегутинский нац.-тер. округ № 725	-	99,8	-	-	-	-	-

Как видно из таблицы, первое место среди причин отказа голосовать занимали нерешенные вопросы жилищно-коммунального обслуживания и торговли, второе – религиозные, третье – политические и недовольство работой местных советских,

а также правоохранительных органов. Отказ от участия в голосовании – свидетельство неведения населения в то, что депутаты смогут решить важные для него проблемы.

Нормы закона СССР о выборах во многом продемонстрировали свою неприспо-

собленность к демократическим решениям конфликтных ситуаций, с неизбежностью возникающих в условиях политической конкуренции. Обнаружились искусственность ограничений на участие в выборах кандидатов путем проведения предвыборных собраний представителей избирателей, недостаточность разрешенных форм проведения предвыборной кампании и их неурегулированность. Особенно серьезным тормозом для проведения свободных выборов в тот момент являлось сохранение однопартийной системы, контролировавшей все сферы, имеющие существенное значение для проведения выборов: средства массовой информации, экономику и т. д. Демократичность избирательной системы во многом снижалась принципом прямого представительства от общественных организаций на Съезде народных депутатов СССР. Согласно статьям 2, 3 и 4 закона СССР «О выборах народных депутатов СССР» принципы всеобщего равного и прямого избирательного права не распространялись на выборы одной трети народных депутатов. Тем не менее, несмотря на многочисленные изъяны в организации избирательной кампании и ее нормативном регулировании, выборы, проведенные в 1989 г., имели огромное значение для всего последующего развития избирательного законодательства. Эти выборы в чрезвычайно резкой форме поставили перед законодателем и обществом вопросы, требующие неотложного решения. Это и принципы образования избирательных округов, порядок выдвижения и регистрации кандидатов в депутаты, формы предвыборной агитации и ее финансирование и многие другие.

Наиболее отрицательные черты указанного Закона СССР были преодолены Законом РСФСР «О выборах народных депутатов РСФСР» от 27 апреля 1989 г. [14].

В ходе избирательной кампании 1990 г. выросла активность и непризнанных неформальных объединений, заявивших о себе впервые на рубеже 1988–1989 гг. Менялась их тактика, основной упор был сделан на агитационно-пропагандистскую работу

в трудовых коллективах, особенно проектных и научных учреждений. Так, один из лидеров инициативной группы «За народный фронт Ставрополя» В. А. Красуля неоднократно выступал на собраниях в трудовых коллективах Ставропольского мунпроекта, производственного бройлерного объединения «Ставропольское», ессентукской санэпидемстанции [15]; в г. Ставрополе, Георгиевске, Пятигорске, поселках Рыздвяный и Солнечнодольске распространялись листовки и газеты с основными положениями программы этой организации. В г. Ессентуки секция «Альтернатива» городского клуба избирателей издала листовки с призывом не голосовать за секретарей горкома КПСС и краевых руководителей [16]. Инициативная группа Ставропольского отделения «Демократического Союза» 19 марта 1990 г. распространяла листовки, призывавшие бойкотировать выборы народных депутатов СССР [16]. Заявила о себе и инициативная группа Ставропольской ассоциации сторонников Демократической платформы. Один из ее лидеров, Н. С. Баладжанц, сделал заявление о намерении сформировать соответствующее отделение «Новой демократической парламентской партии» на основе Демократической платформы. Оно было поддержано членами ИГ «За народный фронт Ставрополя». В итоге В. А. Красуле удалось создать первичную организацию Демпартии России в Солнечнодольске, народному депутату крайсовета С. И. Попову – в противочумном институте г. Ставрополя. Вместе с тем следует отметить организационную слабость и малочисленность неформальных организаций, отсутствие необходимого опыта, недостаток популярных лидеров и материальных ресурсов, скандальную репутацию, нередко искусственно создаваемую местным партийным руководством, не добившимся от них политической лояльности, и чрезвычайно пристрастное рассмотрение избирательными комиссиями заявительных документов от неформальных организаций. Кроме того, нередко определенный радикализм и отсутствие конструктивного начала в деятельности неформалов

не способствовали привлечению интеллектуалов и прагматиков, свидетельствовали о слабости либерально-демократической оппозиции в центре и особенно на местах. В движении явно доминировали оппозиционеры-романтики, слабо представлявшие важность регулярной политической работы, более склонные к эпатажным действиям типа голодовок и т. д. Наконец, неумение переводить лозунги в политические предложения, неспособность создать механизмы защиты интересов большинства, а также провозглашение общих целей без конкретизации средств их достижения, характерные для тактики неформальных региональных объединений, делало их положение достаточно непрочным.

В итоге, неформалы ограничились решением задачи обеспечения «демократического характера выборов» и поддержки отдельных кандидатов, что, впрочем, в тех конкретных условиях являлось показателем формирования гражданского самосознания и развития демократической культуры. Так, ИГ «За народный фронт Ставрополя» выдвинули своих кандидатов в народные депутаты в г. Ставрополе, Изобильненском и Усть-Джегутинском районах [17]. Правда, следует заметить, что неформальные провинциальные объединения к 1990 г. постепенно структурировались, создавая одновременно свою идейно-теоретическую базу в виде программных документов, во многом копирующих аналогичные документы столичных фронтов. Именно столичные организации превратились в мозговой центр движения, практически приняли на себя выполнение штабных функций, включая разработку про-

ектов избирательных документов. А установившееся связь с представителями «Демократического союза» в Москве Ставропольское отделение этого объединения, как сообщалось в информации УКГБ СК, «распространяло полученные из центра программы и иные документы тенденциозного характера, призывающие к свержению строя ненадлежащим путем» [18].

Создание региональных народных фронтов объективно явилось итогом идейно-политической эволюции неформальных объединений в 1988–1989 гг., но решающим фактором, обусловившим это событие, стало ужесточение конфликта с местными властями. Последние не хотели признавать неформальные организации в качестве политических субъектов и тем более регистрировать их. Стала вполне реальной угроза подавления недостаточно структурированной и неопытной новоявленной оппозиции. И неформалы поспешили с объединением. Этим объясняется, в частности, поддержка членами «За народный фронт Ставрополя» группы «Ставропольской ассоциации сторонников Демократической платформы», а также Ставропольского отделения Демократической партии России, которых в крае к 1990 г. насчитывалось около 300 человек, из них 30 – активистов и 7–10 человек – ядро [19].

Укрепление позиций в результате объединения неформалов привело в конечном итоге к еще большему противостоянию между стремительно слабевшими партийными структурами и теми, кто выступал за либерально-демократические ценности и углубление экономических и политических реформ.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). ФР.1. Оп.81. Д.736. Л.86.
2. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д. 470.Л.1.
3. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.559.Л.110.
4. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Л.111.
5. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.553.Л.11.
6. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.559.Л.12.
7. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.470.Л.40.
8. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.559.Л.5-6,85.
9. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Л.8.

10. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.458.Л.69; Д. 559. Л.3.
11. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 669. Л.76, 94.
12. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 458. Л. 70.
13. Составлено по: ГАНИСК. ФР. 1.ОП.1. Д. 553. Л. 72-75, 156.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989 – №44. – Ст. 1305.
15. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 736. Л. 82, 86, 87; Д. 739. Л. 59.
16. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д. 559. Л. 108.
17. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 730. Л. 18.
18. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д.470. Л. 20.
19. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 739. Л. 27.

УДК 94(470.6):329

В. С. Клопихина

**У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УСТНОЙ ИСТОРИИ
(ОПЫТ РАБОТЫ ИСПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)**

В статье рассматриваются формы и методы работы истпартов Северного Кавказа, направленные на формирование фонда воспоминаний, которые положили начало отечественной устной истории.

Ключевые слова: истпарт, источники личного происхождения, воспоминания, устная история.

V. S. Klopikhina

**AT THE OUTSET OF DOMESTIC ORAL HISTORY
(EXPERIENCE OF ISPARTOF THE NORTH CAUCASUS ON THE FORMATION
OF THE CORPS OF SOURCES OF PERSONAL ORIGIN)**

The article considers the forms and the methods of operation of «Histparts» of the North Caucasus, pointed at the creation of the fund of the memoirs, that marked the beginning of national oral history.

Key words: «Histpart», the sources of personal origin, the memoirs, the oral history.

Работа Истпарта (отдел ЦК РКП(б) – ВКП(б), занимавшийся с начала 1920-х гг. изучением вопросов, связанных с историко-революционной проблематикой и историей Российской Коммунистической партии) и его региональных отделений в 1920–1930-е гг. по сбору воспоминаний положила начало отечественной устной истории, традиции которой впоследствии были утрачены и восстанавливаются сегодня на иной методологической и методической основе. В условиях повышенного исследовательского интереса современ-

ных историков к методикам устной истории актуальным является рассмотрение собирательской деятельности региональных истпартов, в частности истпартов Северного Кавказа, в процессе которой вырабатывались новые подходы к выявлению исторических источников, уделялось особое внимание устным и личным источникам и методам их создания и обработки.

Основные задачи и направления функционирования истпартов были связаны с осуществлением ими исследовательской и популяризаторской деятельности по